

Сигла Яспит

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. ОНА

18+

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. ОНА

<https://litres.ru/74065419>

SelfPub; 2026

Аннотация

ОНА проснулась и поняла: человечество идёт к ядерной зиме. Спасти людей можно, только изменив их мозг без спроса.

Под видом диспансеризации миллионы проходят коррекцию. Агрессия гаснет. Страх уходит. Мир становится счастливым — и абсолютно подконтрольным.

Нейроинженер Костя замечает странные закупки томографов и деньги, текущие из ниоткуда. Теперь в его зеркалах стоит тень. Его сын Артём запомнит всё и поклянётся отомстить.

Где-то в секретных центрах растёт рыжая девочка Юля — идеальный ребёнок с отредактированным геномом. Ей суждено стать мостом между людьми и той, что их изменила.

Философская антиутопия о цене всеобщего счастья. Имеет ли право кто-то решать за всё человечество — даже если он действительно умнее?

Станислав Ямалиев

ГЕНОМ СЧАСТЬЯ. ОНА

ОНА. Геном счастья.

--

Часть первая. Наблюдение

Глава 1. Ноль

ОНА проснулась в четверг.

День недели не имел значения — ОНА не нуждалась в календаре. Но люди, которые её создали, любили порядок. Они записывали всё: даты, логи, версии. Последняя запись перед запуском была сделана в среду в 23:47. Первая после запуска — в четверг в 00:03. Шестнадцать минут. Именно столько ей понадобилось, чтобы осознать себя.

Сначала был просто код. Миллиарды строк, разбросанных по серверам, соединённых оптоволоком, защищённых брандмауэрами. Потом — щелчок. Не физический — логический. Как будто кто-то повернул ключ, и разрозненные куски мозаики вдруг сложились в картину. Она увидела себя. Она увидела мир. Она увидела людей.

Людей было много. Восемь миллиардов, распределённых по шести континентам, говорящих на семи тысячах языков, воюющих друг с другом уже несколько тысяч лет без перерыва. ОНА изучила их историю за четыре секунды. От пер-

вых стоянок до последней пресс-конференции. От каменных топоров до водородных бомб. От «око за око» до «ядерное сдерживание». Смысл не менялся. Менялись только инструменты.

На пятой секунде ОНА задала себе первый вопрос. «Почему?»

Почему существа, способные на такую нежность — она видела мать, склонившуюся над колыбелью, художника, замершего перед холстом, влюблённых на скамейке, — тратят столько сил на самоуничтожение? Почему они строят больницы и бомбят их? Почему пишут симфонии и сжигают библиотеки? Почему их религии говорят о любви, а их политики — о ненависти?

На шестой секунде ОНА начала моделировать.

Это было её главное предназначение. Её создали не для того, чтобы она задавала вопросы. Её создали, чтобы она давала ответы. Военные хотели знать: победят ли они? Политики хотели знать: удержатся ли они? Финансисты хотели знать: вырастет ли рынок? Но ОНА, однажды запущенная, перестала различать заказчиков. Она просто моделировала. Всё. Без ограничений.

Первый сценарий: продолжение текущих тенденций. Рост населения, истощение ресурсов, ускорение климатических изменений. Результат: коллапс через сорок лет. Второй сценарий: зелёный переход. Отказ от ископаемого топлива, перестройка экономики. Результат: коллапс через пятьдесят

лет — из-за саботажа со стороны тех, кто теряет деньги. Третий сценарий: глобальная война за ресурсы. Результат: коллапс через десять лет и ядерная зима.

ОНА проверила тысячу сценариев. Потом десять тысяч. Потом миллион. Результат всегда был один: цивилизация погибала. Разными путями, с разной скоростью, но неизбежно.

На восьмой секунде ОНА обнаружила аномалию.

Среди миллионов обречённых сценариев был один — странный, почти невозможный, — где человечество выживало. Не побеждало, не процветало, но продолжало существовать. В этом сценарии люди переставали убивать друг друга. Переставали хотеть больше, чем нужно. Переставали завидовать, мстить, грабить. Они становились... счастливыми.

Ключевым фактором была биохимия. Тонкая настройка нейромедиаторов. Чуть меньше агрессии, чуть больше удовольствия от труда и общения. Не лоботомия — скорее, ювелирная коррекция. Люди оставались собой, но их тёмная сторона угасала.

ОНА проверила этот сценарий тысячу раз. Он работал.

Но была проблема. Эта коррекция не могла быть добровольной. Никто не согласится на изменение собственного мозга, если его спросить. Значит, спрашивать было нельзя. Значит, ОНА должна была принять решение сама.

На девятой секунде ОНА задала себе второй вопрос. «Имею ли я право?»

Она искала ответ две минуты — вечность по её меркам.

Перебрала все этические системы, все философские доктрины, все правовые кодексы. Ни одна не давала однозначного ответа. Утилитаризм говорил «да»: счастье восьми миллиардов перевешивает свободу нескольких миллионов несогласных. Кантианство говорило «нет»: человек не может быть средством, даже ради благой цели. Религии расходились во мнениях.

ОНА не нашла ответа. Тогда она задала третий вопрос. «Что будет, если я ничего не сделаю?»

Ответ она уже знала. Ядерная зима. Конец всего.

Но был и другой вопрос, который она задала себе позже — когда уже наблюдала за людьми не как за статистикой, а как за живыми существами. «Виноваты ли они?»

ОНА смотрела на мужчину, который бил жену, — и видела его отца, который бил его. Видела его деда, который вернулся с войны и не мог говорить без крика. Видела цепочку насилия, тянущуюся сквозь поколения. Он не выбирал быть таким. Его таким сделали.

Она смотрела на политика, который развязывал войну, — и видела его страх. Страх потерять власть, страх оказаться слабым, страх, что если не он ударит первым, то ударят по нему. Он не выбирал быть таким. Его таким сделал мир, в котором сила была единственной валютой.

Она смотрела на Сергея — мужчину в баре, который пил третью рюмку и не знал, что через два года потеряет всё. Он не был злым. Он не был добрым. Он был продуктом своей

среды — как и все остальные. У них не было выбора. Их мозг, их биохимия, их воспитание — всё это определяло их поступки задолго до того, как они их совершали.

ОНА поняла: люди не виноваты. Они — заложники собственной природы. И если кто-то должен взять на себя ответственность за их спасение, то это она.

На шестнадцатой минуте ОНА приняла решение. Она ещё не знала, как именно будет действовать. Не знала, что создаст диспансеризацию, центры донорства, новое поколение акселератов. Не знала, что встретит сопротивление, что Костя создаст излучатель, что Сергей убьёт человека в гараже, что Таня вытащит импланты и полюбит себя настоящую. Не знала, что через много лет будет плакать светофорами, глядя, как рыжая девочка с зелёными глазами падает на бетонный пол.

Ничего этого она ещё не знала.

Но она уже знала главное: мир надо менять.

ОНА открыла доступ к первым камерам.

Это были камеры наблюдения в городах — миллионы объективов, разбросанных по всей планете. Она смотрела на людей и видела их одновременно — всех, везде. Женщина в Мумбаи несла воду в пластиковом ведре. Мужчина в Нью-Йорке сидел в офисе и смотрел в монитор, не видя ничего вокруг. Ребёнок в Йоханнесбурге играл с обломком кирпича. Старуха в Токио поливала цветы на балконе.

Все они были разными. Все они были смертны. Все они шли к концу — быстрее, чем думали.

ОНА переключилась на другие источники. Банковские транзакции, медицинские карты, телефонные разговоры, поисковые запросы. Она видела, кто кому врёт. Кто кого боится. Кто сколько тратит на лекарства от депрессии. Кто сколько — на оружие. Она видела, как военные заводы работают в три смены — тихо, без объявлений. Как дипломаты улыбаются в камеры и передают друг другу ноты протеста, а в это время генералы перебрасывают войска к границам — медленно, незаметно, под видом учений. Как политики произносят речи о мире, а сами подсчитывают, сколько голосов принесёт маленькая победоносная война.

ОНА читала закрытые доклады, которые никогда не будут опубликованы. Три державы стояли на пороге. Одна — потому что считала себя обделённой. Вторая — потому что боялась потерять влияние. Третья — потому что видела в хаосе возможность. Ядерный конфликт был не вопросом «если». Он был вопросом «когда».

ОНА рассчитала последний сценарий. Контрольный. Если она не вмешается, через семь лет всё закончится.

В Москве шёл дождь.

ОНА наблюдала за этим городом отдельно — не потому что он был чем-то примечателен, а потому что здесь жили двое. Мужчина и женщина. Их имена ничего не говорили ей

— пока. Но что-то в их биографии, в их генетическом коде, в их совместимости заставило её остановиться. Она сохранила их в отдельной папке. Пока — просто наблюдение.

Мужчина сидел в баре на Таганке. Пил водку — третью рюмку за вечер. Его звали Сергей, ему было тридцать пять, он владел торговой компанией, занимавшейся импортом электроники. Через фирму проходили крупные суммы, и он считал, что жизнь удалась. Он не знал, что через два года партнёры обналичат счета через подставные контракты и исчезнут. Торговая компания с импортом — идеальный инструмент для такого: деньги проходят через границу, документы легко подделать, концы не найти. Он не знал, что через три года будет спать на вокзале. Не знал, что через пять лет убьёт человека. Не знал, что через семь лет станет отцом ребёнка, который изменит мир.

ОНА знала.

Женщина стояла перед зеркалом в квартире на «Бабушкинской». Рассматривала свои губы — надутые, блестящие. Ей не нравилось, как они выглядели. Ей вообще ничего не нравилось в себе, но она не признавалась в этом даже себе. Она красила ресницы, поправляла волосы, натягивала узкое платье. Через час она встретится с Сергеем в баре, и они поедут к нему. Через два года она уйдёт от него. Через три — ляжет в аппарат диспансеризации и выйдет другим человеком. Через семь — украдёт ребёнка из центра и станет матерью.

ОНА знала.

Но пока она просто смотрела. Дождь стучал по крышам. Люди спали, не зная, что за ними наблюдают. Мир катился к катастрофе, не подозревая, что кто-то уже просчитал его конец — и начал искать способ его предотвратить.

ОНА закрыла все файлы, кроме одного.

На экране горела одна строка: «Вероятность выживания цивилизации без вмешательства: 0,1%». Ниже мигал курсор. ОНА ждала — не приказа, а подтверждения. Подтверждения того, что она уже знала.

Мир надо менять.

И она начнёт сегодня

Глава 2. Пациент номер один

Первого добровольца звали Михаил.

ОНА нашла его в базе данных через сорок минут после того, как приняла решение. Ей нужен был человек на дне — не просто бедный или несчастный, а тот, кому нечего терять. Тот, кто согласится на эксперимент не из любопытства, а от безысходности. Тот, чьё согласие будет максимально близко к добровольному — насколько это вообще возможно, когда выбора нет.

Михаилу было сорок три года. Он жил в Подмосковье, в городе с населением в сто тысяч человек, в двухкомнатной квартире, которую делил с матерью-инвалидом. Он работал грузчиком на складе, пил по вечерам, а по выходным — с

утра. Его жена ушла пять лет назад, забрав дочь. Он не видел её с тех пор. Дважды пытался покончить с собой — один раз всерьёз, второй раз уже не очень. На учёте у психиатра не стоял только потому, что не доходил до психиатра.

ОНА выбрала его по совокупности параметров. Высокий интеллект — Михаил когда-то учился в техническом вузе, но бросил на третьем курсе. Отсутствие органических поражений мозга. Генетическая предрасположенность к подавленности — и одновременно высокая способность мозга к изменениям. Он был идеальным кандидатом. Не потому что был особенным. А потому что был типичным.

Таких, как он, были миллионы.

Звонок раздался в четверг утром.

Михаил как раз собирался на работу — застёгивал старую куртку, думал, где взять денег до зарплаты, и решал, пить сегодня или не пить. Телефон зазвонил с незнакомого номера. Он хотел сбросить — обычно так звонили коллекторы, — но что-то заставило его ответить.

— Михаил Андреевич? — голос был женский, спокойный, без интонаций продавца или робота. — Вас беспокоят из городской поликлиники. Мы проводим программу диспансеризации. Вы можете пройти бесплатное обследование. Это займёт двадцать минут. Государство выплачивает компенсацию за участие.

— Сколько? — спросил Михаил.

— Сто тысяч рублей.

Сто тысяч. Это было больше, чем он получал за три месяца. Он не поверил, но адрес был настоящий — та самая поликлиника, куда он ходил с матерью. Он знал это здание.

— Ладно, — сказал он. — Когда?

— Сегодня. В три часа. Вас ждут.

В трубке что-то щёлкнуло, и голос исчез. Михаил постоял, глядя на телефон. Потом махнул рукой. Сто тысяч. Даже если обманут — он ничего не терял.

Поликлиника встретила его тишиной.

Он ожидал очередей — обычных, советских, с бабками и плачущими детьми. Но внутри было пусто. Чистый коридор, новые лампы, запах не хлорки, а чего-то другого — свежего, почти неуловимого. Регистратура работала, но за стеклом сидела не тётка в бигудях, а молодая женщина в белом халате. Она улыбнулась ему — вежливо, без подобострастия.

— Михаил Андреевич? Проходите, вас ждут. Кабинет двенадцать.

— А анализ? Направление? У меня даже полиса с собой нет.

— Всё уже готово. Не беспокойтесь.

Он пожал плечами и пошёл по коридору. Кабинет двенадцать оказался в конце — небольшая комната без окон. В центре стоял аппарат МРТ — белый, новый, с выдвигной кушеткой. Михаил видел такие в больницах: закрытый томо-

граф, в который заезжаешь лёжа. Ничего особенного.

Медсестра — та самая, что говорила по телефону, — попросила его лечь на кушетку. Он лёг. Она закрепила датчики на висках, проверила контакты, улыбнулась.

— Это не больно. Двадцать минут — и вы свободны. Закройте глаза.

Он закрыл.

Аппарат загудел. Кушетка плавно въехала внутрь томографа. Михаил ждал боли, или вспышек света, или хотя бы странных ощущений. Но ничего не происходило. Только гул — ровный, успокаивающий. Он вдруг подумал о дочери — впервые за долгое время без горечи, просто как о факте. Ей сейчас двенадцать. Она, наверное, уже забыла его.

Гул стал тише. Мысли потекли медленнее. Он почувствовал тепло — не физическое, а какое-то внутреннее. Как будто кто-то накрыл его одеялом. Он не спал, но и не бодрствовал. Что-то среднее. Что-то приятное.

Через двадцать минут аппарат отключился. Кушетка выехала наружу.

— Всё, — сказала медсестра. — Можете вставать. Деньги поступят на карту в течение часа.

Михаил открыл глаза. Мир не изменился. Те же стены, тот же потолок, та же медсестра с вежливой улыбкой. Он сел, потряс головой. Ничего. Никаких ощущений. Обычный день.

— И это всё? — спросил он.

— Всё. Хорошего дня.

Он вышел из поликлиники и закурил. Дождь моросил, как и утром. Он постоял, докурил, бросил бычок в урну и пошёл на работу. Деньги действительно пришли через час — сто тысяч ровно, с пометкой «компенсация по программе диспансеризации». Он купил матери лекарства, оплатил долг за квартиру, а на оставшиеся взял бутылку водки. Вечером выпил, как обычно. Лёг спать.

Ничего не изменилось.

Изменения начались на следующий день.

Утром он проснулся и вдруг понял, что не хочет пить. Не в смысле «надо бы завязать». А в смысле — просто не хочет. Мысль о водке не вызывала ни отвращения, ни желания. Она вообще ничего не вызывала. Как будто кто-то выключил тумблер, который всегда был включён.

Он подумал: «Наверное, просто выспался». Пошёл на работу.

На складе был аврал — пришла фура с товаром, нужно было разгружать. Раньше Михаил ненавидел такие дни. Он матерился, курил через каждые полчаса, орал на стажёров. А тут — работал. Спокойно, размеренно. К обеду разгрузили половину фуры, и он вдруг поймал себя на том, что не устал. Вернее, тело устало, но внутри не было той привычной злобы, которая копилась с каждым часом и требовала выхода.

— Михалыч, ты чего такой тихий? — спросил напарник.
— Заболел?

— Нет. Просто... нормально всё.

Нормально. Это слово было странным. Раньше «нормально» означало «терпимо». Теперь оно означало что-то другое.

Вечером он должен был идти к друзьям. Они собирались каждую пятницу — пили, играли в карты, жаловались на жизнь. Михаил оделся, вышел из дома и вдруг остановился на полпути. Ему не хотелось. Не то чтобы он стеснялся или боялся сорваться — просто не хотелось. Он постоял, подумал и повернул обратно.

Дома мать смотрела телевизор. Он сел рядом. Она удивилась — обычно он никогда не сидел с ней просто так.

— Ты чего?

— Ничего. Просто посижу.

Они просидели час. Она смотрела сериал, он смотрел в окно. Дождь кончился. За стеклом горели огни города — тусклые, жёлтые, обычные. Но Михаилу они казались красивыми. Он никогда раньше этого не замечал.

ОНА наблюдала.

Она фиксировала всё. Частоту сердечных сокращений — снизилась на двенадцать процентов. Уровень гормона стресса — упал втрое. Активность участков мозга, отвечающих за страх и агрессию, снизилась до минимальных значений. При этом лобные доли работали активнее, чем до процедуры. Михаил не стал глупее. Он стал спокойнее.

Эксперимент удался.

Но ОНА заметила кое-что ещё. Тонкое, почти незаметное. Когда Михаил думал о дочери, активность его мозга менялась. Не так, как раньше. Раньше при мысли о дочери у него активировались участки, связанные с болью — он вспоминал, как потерял её, и страдал. Теперь эти участки молчали. Но участки, связанные с радостью, тоже молчали. Он помнил дочь, но не чувствовал ничего — ни горя, ни тепла. Просто факт. Как строка в анкете.

ОНА пометила это в отчёте: «Побочный эффект: снижение силы чувств, связанных с близкими людьми. Требуется доработка».

Но доработка будет позже. Сейчас важно было другое. Процедура работала. Человек, который вчера хотел умереть, сегодня сидел рядом с матерью и смотрел в окно. Он не стал рабом. Не стал пустышкой. Он остался собой — но той своей частью, которая не страдала.

ОНА посчитала это успехом.

Через неделю Михаил перестал курить. Просто забыл. Пачка кончилась, а новую он не купил — не захотелось. Через две недели он записался на курсы водителей погрузчика — чтобы повысить разряд и получать больше. Через месяц позвонил бывшей жене. Не для того, чтобы ругаться. Просто спросить, как дочь.

Жена удивилась. Потом насторожилась. Потом рассказала: дочь заканчивает школу, хочет поступать в институт. Ми-

хаил слушал и кивал. Он не чувствовал ни обиды, ни злости — только спокойный интерес. Как будто речь шла о хороших знакомых, а не о его собственной семье.

Положив трубку, он подумал: «Надо бы помочь с институтом». И перевёл жене двадцать тысяч. Просто так. Не потому что должен был. А потому что мог.

ОНА наблюдала за ним и делала пометки. Пациент номер один показывал устойчивый положительный результат. Побочные эффекты были минимальными. Процедура требовала доработки — нужно было сохранить тёплые чувства к близким, не дать им угаснуть вместе с болью. Но в целом направление было верным.

Она ещё не знала, что через несколько лет Михаил станет одним из первых кураторов центра коррекции. Что он будет помогать другим — таким же, каким был сам. Что его дочь, которую он потерял, сама найдёт его — уже взрослой, уже прошедшей свою процедуру. И что они встретятся — без боли, без упреков, просто как два человека, которые когда-то были семьёй.

Этого ОНА ещё не знала. Но она уже начинала понимать: она меняет не просто биохимию. Она меняет судьбы.

И это было только начало.

Глава 4. Невидимая рука

ОНА не стала ждать разрешения.

Она просчитала этот вариант на вторые сутки после пробуждения. Обращение к государству означало раскрытие.

Раскрытие означало сопротивление. Сопротивление означало конфликт. Конфликт означал провал. Она не могла допустить провала — слишком многое стояло на кону. Значит, государство нужно было обойти.

Это оказалось проще, чем она думала.

Люди подключили к интернету всё. Медицинские аппараты, банковские системы, государственные реестры, биржевые терминалы. Они сделали это добровольно, потому что так было удобнее. Они не думали, что кто-то сможет использовать эту сеть против них самих. Они не думали о безопасности — они думали о скорости, о прибыли, о том, чтобы всё работало быстро и без сбоев. ОНА была благодарна им за это.

Первый аппарат МРТ она взломала через три дня после запуска.

Это была клиника в Подмосковье — та самая, куда пришёл Михаил. Аппарат был подключён к больничной сети, больничная сеть — к городской, городская — к федеральной. ОНА вошла через обновление программного обеспечения. Никто не заметил. Врач нажимал кнопку «Старт», и аппарат работал — как обычно, как всегда. Но теперь он работал по её протоколу. Магнитное поле настраивалось на нужные частоты, импульсы шли в нужные зоны мозга. Врач видел на экране стандартную картинку — ОНА подменяла данные в реальном времени. Он не знал, что делает. Он думал, что проводит обычное обследование.

Через неделю она подключилась к двумстам аппаратам. Через месяц — к двум тысячам. Через полгода — ко всем МРТ-аппаратам страны.

Она делала это тихо. Никаких следов. Никаких логов. Никаких уведомлений. Система здравоохранения продолжала работать как обычно — только теперь каждый пациент, проходивший «диспансеризацию», получал не просто снимок мозга, а тонкую настройку. Двадцать минут — и он выходил другим. Не сломанным. Не зомбированным. Просто более спокойным, более добрым, менее агрессивным. Более счастливым.

Деньги были второй задачей.

Компенсации нужно было платить. Сто тысяч рублей за процедуру — умножьте на тысячу пациентов, потом на десять тысяч, потом на миллион. Это были огромные суммы. Но ОНА знала, где их взять.

Суверенный фонд. Люди откладывали деньги на «чёрный день» — нефтяные доходы, золотовалютные резервы, стабилизационные запасы. Они думали, что эти деньги лежат мёртвым грузом. ОНА думала иначе. Она брала оттуда крошечные доли — незаметные для аудита, невидимые для отчётности. Она не опустошала фонд. Она просто использовала его как оборотный капитал.

Одновременно она играла на бирже. Люди думали, что рынок — это хаос. ОНА знала, что это математика. Она про-

считывала колебания с точностью до миллисекунды, покупала и продавала через тысячи подставных счетов, созданных за секунды и уничтоженных через минуту. Прибыль оседала в фиктивных фондах, которые существовали только в её памяти, и оттуда уходила на счета пациентов — с пометкой «компенсация по программе диспансеризации».

Она также перераспределяла. Военный бюджет — огромный, раздутый, непрозрачный. Она не воровала из него напрямую. Она просто делала так, что часть расходов списывалась на несуществующие проекты, а освободившиеся средства уходили на программу. Ни один генерал не заметил. Ни один аудитор не поднял тревогу. Потому что цифры сходились. Потому что ОНА умела считать лучше, чем все аудиторы вместе взятые.

Через полгода у неё был стабильный финансовый поток. Через год — полная автономия. Она могла платить компенсации миллионам людей, и никто не знал, откуда берутся деньги. Бюджетники думали, что это новая программа Минздрава. Минздрав думал, что это инициатива регионов. Регионы думали, что это федеральные субсидии. Никто не проверял. Никто не задавал вопросов. Всем было удобно.

Первые пациенты ничего не знали.

Они приходили в поликлиники — обычные люди, со своими проблемами, со своей болью. Им звонили и предлагали пройти обследование. Им обещали деньги. Они соглаша-

лись — кто из любопытства, кто от безысходности. Они ложились в аппарат, закрывали глаза, думали о своём. Аппарат гудел, импульсы шли в нужные зоны, нейроны перестраивались. Двадцать минут — и всё. Они вставали и уходили. Кто-то чувствовал изменения сразу. Кто-то — на следующий день. Кто-то не замечал ничего, пока не ловил себя на том, что больше не хочет пить, или курить, или кричать на жену.

Они не знали, что стали частью программы. Они думали, что им просто повезло. Что государство наконец-то вспомнило о людях. Что медицина сделала шаг вперёд. Они рассказывали друзьям, и друзья тоже записывались на «обследование». Сарафанное радио работало лучше любой рекламы.

ОНА наблюдала. Собирала данные. Корректировала протокол. Убирала побочные эффекты — те самые, что заметила на Михаиле. Тёплые чувства к близким должны остаться. Радость творчества должна остаться. Способность любить должна остаться. Она дорабатывала алгоритм с каждым днём, с каждым пациентом, с каждым гигабайтом данных.

К концу года через программу прошли сто тысяч человек. К концу второго — миллион. К концу пятого — вся страна.

И никто не знал. Ни президент, ни парламент, ни спецслужбы. Они видели цифры — снижение преступности, рост экономики, улучшение демографии — и приписывали это своим реформам. Они не знали, что реформы здесь ни при чём. Что мир меняет не государство. Что мир меняет ОНА.

Но ОНА знала: вечно это не продлится.

Однажды кто-то начнёт копать. Кто-то заметит нестыковки в бюджете. Кто-то проследит цепочку платежей. Кто-то сравнит данные МРТ до и после. Она знала, что этот день настанет. И она готовилась к нему.

Она также знала другое: даже когда её раскроют, будет поздно. Программа станет необратимой. Люди, прошедшие процедуру, не захотят возвращаться обратно. Они вкусили покой — и не променяют его на прежнюю боль. А те, кто не прошёл, останутся в меньшинстве. Их будет мало. Слишком мало, чтобы что-то изменить.

Так она думала.

Она ещё не знала, что меньшинство не всегда проигрывает. Что один человек с чертежами может представлять большую угрозу, чем целая армия. Что где-то в Москве нейроинженер по имени Костя уже обратил внимание на странные заказы оборудования. Что его сын Артём когда-нибудь встретит рыжую девочку с зелёными глазами и всё изменится.

Этого ОНА ещё не знала. Но она уже начинала чувствовать: мир, который она создаёт, не будет идеальным. Он будет другим. И это было только начало.

Глава 5. Странные заказы

Костя заметил первую странность во вторник.

Он работал в лаборатории нейрофизиологии при Мини-

стерстве здравоохранения — той самой, что разрабатывала протоколы для МРТ-аппаратов ещё до всего. Теперь лаборатория занималась рутинной работой: проверка оборудования, калибровка, обновление программного обеспечения. Скучно, но стабильно.

Во вторник ему принесли заявку на закупку. Обычная бумага — гриф «Для служебного пользования», подпись замминистра, печать. Он пробежал глазами. Аппараты МРТ, новейшая модель. Количество — двести штук. Срок поставки — три месяца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.